

Андреев Николай

18+

Так сказала бабушка

Книга 3

Николай Владимирович Андреев

Так сказала бабушка. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63641243

SelfPub; 2021

Аннотация

Третья книга из серии приключений поэта Василия Романова. Убийство в загородном доме. В нем признаются все, кто в это время находился там, включая самого Романова.

Николай Андреев

Так сказала бабушка. Книга 3

Необычное в этом году выдалось начало июня, странное. Весна по календарю уже кончилась, а лето, о наступлении которого провозгласили в домоуправлении перед тем, как отключить отопление, еще не наступило. Солнца нет, тепла нет, бабушка изнылась, не зная, что надеть в гости: то ли новый плащ, который, по ее словам, душу грел больше, чем тело, то ли пальто, которое грело тело, но смущало настроившуюся на летнюю волну душу. В итоге, как я и предполагал, победил компромисс. Несмотря на мои уговоры не смешивать людей – одеться по сезону, бабушка укуталась в старое толстое пальто, а плащ велела взять с собой.

«Переоденусь в машине, перед тем, как войти в дом».

Машина – это родительская «копейка», дом – трехэтажный коттедж Худобиных в поселке Мыскино, построенный дядей Толей – недавно умершим родным братом бабушки. Вообще-то, правильнее было бы его назвать моим двоюродным дедушкой, да только величать дедушкой человека, который при жизни бессовестно игнорировал внуков, не относящихся, как сказано в Гражданском кодексе, к наследни-

кам первой очереди, не хочется. Тем более что я в этой очереди, по выражению одной моей бывшей подруги – студентки юридического факультета – нахожусь где-то между бабушкой и ее, подруги, будущей внучкой. Ну и ладно. Главное, что к бабушке это не относится. Дядя Толя, надо отдать ему должное, не только искренне любил ее, но и сумел привить это чувство всем Худобиным вообще и своему сыну Виктору, способному, как мне всегда казалось, любить только тех, кто богаче его, в частности. Несмотря на небольшую разницу в возрасте – ему тридцать два года, мне двадцать три – Виктор считался моим двоюродным или, как сказано в том же Гражданском кодексе, неполнородным дядей. Однако называть дядей человека, в устах которого выражение «дальние родственники» звучит чуть ли не как «дикие предки», у меня лично язык не поворачивается.

Шоссе у въезда в Мыскино, несмотря на недавний дождь, оказалось на удивлении сухим и чистым, словно незадолго до нашего приезда кто-то прошелся по нему большой метлой. Нигде – ни пятнышка, ни соринки, и только на обочине, где трава вплотную подступала к асфальту, можно было кое-где заметить черные пятна луж.

Не люблю я Мыскино. Причем, не столько поселок – многоэтажный, помпезный, всем своим видом демонстрирующий окончательную победу частного капитала над коллективным хозяйствованием, сколько живущих в нем Худоби-

ных, благодаря стараниям ко-торых ковалась эта историче-ская победа. Каждый раз, приезжая к ним в гости, я посто-янно испытывал чув-ство неловкости. Так, словно у меня под лопаткой за-стряла колючка, и я вместо того, чтобы по-лучать удо-вольствие от общения с родственниками, вынуж-ден считать минуты, когда можно будет пойти переодеть-ся. Да что там я! Даже бабушка, несмотря на горячую любовь к Виктору приезжала сюда, как я заметил, с явной неохотой. Однако воля умершего брата – закон, а закон в частности гласит: «Местом открытия наследства является последнее место жительства наследодателя». Не знаю, как правильно трактовать формулировку «место открытия наследства», но судя по официальному приглашению посетить поселок Мы-скино, дабы присутствовать при оглашении заве-щания, на-следодатель – дядя Толя, по всей видимо-сти, решил имен-но здесь осчастливить сестру частич-кой своего благососто-яния.

Бабушка, хоть и не слыла сребролюбивой, но воз-можно-му наследству обрадовалась. Пообещав купить себе и мне по теплому пальто, а если наследство ока-жется большим – то и новую машину, еще раз прочи-тала текст приглашения, под-писанного неким Рома-новым, и решила ехать.

Я согласился: ехать действительно надо. И дело тут даже не в пальто, которые мы ей как-нибудь сами ку-пим – не ра-зоримся, и уж, конечно, не в гипотетиче-ском автомобиле, а в том уважении, которое каждый из нас, живущих, обязан

проявить к умершему род-ственнику. Каким бы он не был. Так, пор крайней мере, сказала моя бабушка.

*

Не успел я загнать машину во двор, как полил дождь. Крупный, сильный, он обрушился на поселок также внезапно, как и утих. Не успела бабушка в са-лоне автомобиля переодеться в плащ, как туча рассе-ялась и из-за конька кры-ши, приветливо улыбнув-шись, выглянуло солнышко.

Нас встретил работник Худобиных – Михаил – единственный в Мыскино человек, с кем можно было поговорить по душам, не опасаясь того, что тебя пе-ребьют на полуслове и, снисходительно похлопав по плечу, посоветуют чаще при-слушиваться к мнению старших. Худой, нескладный, лично мне он был сим-патичен тем, что, несмотря на немалые годы – а вы-глядел он лет на пятьдесят, не меньше – был напрочь лишен важности, свойственной людям его возраста. Перед тем, как ответить на любой, даже самый незна-чительный во-прос, он – всегда улыбчивый – застен-чиво поднимал глаза и смотрел так, словно заранее хотел успокоить собеседника. «Ничего страшного», «Ты, пожалуйста, не волнуйся», «Всё будет хорошо», – казалось, говорил его всегдашний вид. С ним было легко и спокойно. Настолько легко, что даже Вик-тор, любящий по поводу и без демонстрировать свой дур-ной характер, «ндрав», как однажды по этому поводу выразилась

бабушка, только раз обругал его при пер-вой встрече, види-мо, «для порядку», и больше, насколько я знаю, не трогал.

Михаил появился у Худобиных около полугода назад. За две грядки земли, выделенных ему дядей Толей в углу сво-его сада, небольшую зарплату, бес-платную кормежку и ка-морку на первом этаже рядом с кухней, он взвалил на себя все хлопоты по ведению хозяйства. Вставал с рассветом, го-товил еду, мыл по-суду, убирался в доме, работал на участке. Когда наступал вечер, закрывался в своей комнате, включал телевизор, пил портвейн, о чем, как ему казалось, ни-кто не догадывался, и смотрел бесконечные сериалы. Кто он такой, откуда пришел, мы не знали – на вопро-сы о своем прошлом Михаил отвечал неохотно. О нем было известно лишь то, что в молодости он работал шофером, задавил человека, попал в тюрьму, отсидел срок и вернулся доживать век в родные места. Еще у него была женщина, у которой он ночевал раз в неде-лю, с пятницы на субботу, однако о том, что это за жен-щина и как ее звать, никто тоже ничего не знал. Впрочем, если быть откровенным, никого это особен-но и не интере-совало – всем хватало своих проблем. Женитьба Виктора, до сих пор не раскрытое убийство Виолетты – дочери дяди Толи и, наконец, смерть по-сле долгой болезни самого дяди Толи отодвинули на второй план все другие события, проис-ходящие во-круг них.

Сегодня как раз была пятница. Открыв дверь, Ми-хаил помог бабушке снять плащ. Подал тапочки и принялся то-

ропливо одеваться. Доложил вышедшему встречать нас Виктору о проделанной работе (обед на плите, газонная трава на лужайке со стороны кабине-та скошена, грядки политы), попрощался со всеми и, мелко семена ножками, побежал в сторону автобус-ной остановки.

– Бедный человек, – вслед ему вздохнула бабуш-ка. – Ни кола, ни двора. К бабе, как в баню, по распи-санию ходит... Разве это жизнь?

Я согласился: это не жизнь. Жизнь – это теперь у Викто-ра Худобина. Три этажа дорогой мебели, зим-ний сад, сау-на с бассейном, классная тачка в гараже, богатая библиоте-ка, профессиональный бильярд и ку-ча ненужных, но край-не приятных вещей: картины, камин, ковры и хрустальные люстры. Одно слово – коттедж. Но вот о чем я подумал, ко-гда в последний раз был здесь на дне рождения Виолетты – родной сестры Виктора: чем больше Худобины вкладыва-ли в этот дом денег и чем больше они наполняли его безум-но дорогими вещами, тем меньше он мне нра-вился. Может, ему не хватало того, что зовется чело-веческим духом, а мо-жет, человека, который мог бы вдохнуть его – не знаю, но без этого любой, даже са-мый незаурядный дом, на мой взгляд, неминуемо пре-вращался в заурядный музей. И только зал на первом этаже оставлял приятное исключение. Простор-ный, отделанный темным ореховым деревом и местами за-драпированный толстой материей, он на первый взгляд не производил должного впечатления. Но сто-ило подышать его

воздухом, потрогать руками теплые стены, как сразу начинаешь понимать: зал – лучшее из того, что здесь есть. Именно в этом зале любили со-бираться Худобины и их гости. Тут они смотрели те-левизор, болтали, пили коньяк... Единственное не-удобство, на мой взгляд, заключалось в его не совсем удобном расположении. В двух метрах от входной двери, как раз напротив ведущего в кабинет дяди То-ли коридора, находилась лестница. И поэтому каж-дый, кто, войдя с улицы, хотел подняться наверх или, наоборот, спуститься вниз на улицу, волей-неволей вынужден был пройти по краю комнаты, что лично меня всегда сильно раздражало.

Сегодня в этом зале собрались наследники. Судя по их количеству, причем, весьма незначительному, дядя Толя оказался верен себе и на этот раз: всё – только самым близким. А поскольку из самых близ-ких у него остались: сын Виктор со снохой Анечкой – прелестным двадцатилетним созданием, сестра – моя бабушка и родной племянник Константин, ему не пришлось долго ломать голову над тем, как свои мил-лионы разделить между тремя родственниками. Или, быть может, четырьмя, если учесть появление в Мыс-кино Максима Валерьяновича Рыльского – младшего брата давно умершей жены дяди Толи.

Интересный тип этот Максим Валерьянович. Крайне нелюдимый – я так думаю, вряд ли кто из присутствующих, кроме бабушки, встречался с ним больше трех-четы-рех раз, – он обладал необыкновен-ной внешностью. Просто

страшно необыкновенной. Я бы даже добавил: жуткой. Изрытое глубокими морщинами бледное лицо, большой лоб, белые, как мел губы, настолько тонкие, что можно говорить об их полном отсутствии, узкие, с розовыми белками глаза, казалось, нацеленные на поиск твоего наиболее уязвимого места – вот далеко не полный портрет человека, о котором дядя Толя отзывался, как о своем добром товарище. А товарищу, несмотря на то, что выглядел он на все шестьдесят, было, как мне по секрету рассказала бабушка, не больше сорока пяти лет.

Пока я носил вещи наверх в нашу спальню, бабушка продолжала здороваться с присутствующими. Поцеловала в лоб Виктора, подставила щеку Константи-ну и подошла к Максиму Валерьяновичу. Спросила: как дела, внимательно выслушала то, что тот произнес, ответил, похвалила за бра-вый вид и в конце раз-говора, чуть повернув голову, вопро-сительно посмотрела на стоявшего в стороне незнакомца.

Чуть старше сорока, невысокий, худой, этот при-влекший бабушкино внимание новый гость в доме Худобина выглядел так, как выглядят больные люди, когда их посреди ночи под-нимают с постели. Всё в нем, кроме тщательно зачесанных назад волос, было мятым: пиджак, брюки, воротник рубаш-ки, невы-спавшееся лицо. И даже тапочки ему достались ка-кие-то пожеванные, с оборванной каймой и сбитой пят-кой.

Поймав на себе бабушкин взгляд, незнакомец встрепенул-ся. Расправил плечи и отвесил вежливый полупоклон в её

сторону.

– Василий Сергеевич! – представился он. Потом немного подумал и, решив, что одного имени-отчества, видимо, недостаточно для того, чтобы полностью идентифицировать себя, добавил: – Романов. Исполнитель завещания Анатолия Николаевича. Или его поверенный, как вам будет угодно.

Он сказал это нарочито просто, со сдержанным чувством достоинства, так, как произносят чины и звания большие начальники, когда хотят казаться скромными чиновниками, или скромные чиновники, когда хотят выглядеть большими начальниками.

Я подсел к Анечке. Коснувшись губами ее уха, прошептал, что если у поверенного и есть какой-то чин, то, скорее всего, настолько незначительный и пошлый, что он постесняется назвать его.

Анечка хихикнула, чем вызвала недовольство своего мужа. Виктор посверлил злым взглядом мой лоб, потом отвернулся и тоном, не терпящим возражений, предложил Романову наконец-то заняться делом, ради которого тот был нанят, а именно: зачитать завещание отца.

Конечно, всё тоже самое можно было бы сказать деликатнее, но Виктор как обычно не смог удержаться, чтобы не нахамить. Впрочем, Романов, кажется, не думал обижаться. По крайней мере, грубостью на грубость, на что я рассчитывал, отвечать не стал.

– Наверное, из интеллигентов, – коснувшись губами моего уха, прошептала Анечка.

Я с готовностью рассмеялся, чем вызвал новую волну недовольства Виктора. Он обернулся в мою сторону и, прищурив правый глаз, что, видимо, должно было означать крайнюю степень раздражения, спросил: над чем это я, собственно говоря, смеюсь.

Напугал! Я бы, конечно, мог ответить ему, что после того, как он взял в жены девочку на двенадцать лет моложе себя, смеяться стало действительно не над чем, но промолчал – бабушку не хотел расстраивать: она и так, бедная, переживала по этому поводу весь их медовый месяц.

Виктор завелся. Не дождавшись от меня ответа, набросился на Романова. Начав с утверждения того, что исполнитель завещания – пустая трата денег на пустых людей, он незаметно для самого себя углубился в дебри этимологии. «Слово «поверенный», – ткнув пальцем в грудь Василия Сергеевича, сказал он, зло проговаривая каждый слог, – произошло от слова «верить», а не «вареный», как вы, вероятно, изволите думать», после чего повернулся к нему спиной и закончил свой спич пространном рассуждением о непрофессионализме и лени, как двух главных бедах нарождающегося капитализма в России.

Наконец, Романов обиделся. С каменным лицом он подошел к столу. Поднял с пола старый портфель, с каким, наверное, еще его бабушка ходила в школу, из портфеля вынул

картонную папку, из папки – лист бумаги и объявил, что, выполняя волю покойного, он, исполнитель завещания Анатолия Николаевича Худобина, должен ознакомить наследников с его последним обращением.

– Моим наследникам, – прочитал заголовок обращения. – Я, Худобин Анатолий Николаевич, находясь в здравом уме и твердой памяти, делаю следующее распоряжение. Первое: предыдущее завещание от двенадцатого февраля две тысячи второго года считать недействительным. Второе: анониму, приславшему письменное сообщение об убийстве моей дочери Худобиной Виолетты Анатольевны, датированное четырнадцатым апреля, надлежит в течение трех суток со дня оглашения данного послания сообщить в правоохранительные органы известное ему имя убийцы. В случае если лицо, указанное анонимом, будет признано судом виновным в убийстве моей дочери, должно вступить в силу завещание от шестнадцатого апреля две тысячи второго года, а другое завещание, от семнадцатого апреля, не вскрывая, уничтожено в присутствии наследников. Третье: в случае, если аноним не проявит себя в течение трех суток, или лицо, указанное им, не будет привлечено к уголовной ответственности за убийство моей дочери, завещание от шестнадцатого апреля следует уничтожить, а окончательным завещанием считать завещание от семнадцатого апреля две тысячи второго года. Четвертое: выполнение моей последней воли возлагаю на Романова Василия Сергеевича... Подпись

– Худобин. Дата – во-семнадцатое апреля, две тысячи второго года.

Прочитав обращение к наследникам, Романов, не зная, что делать дальше, несколько секунд повертел листок в руках. Затем сунул обратно в конверт и по-ложил на стол.

Все ошеломленно молчали.

– Это всё? – первой опомнилась Анечка.

Судя по вздоху облегчения, ее не особенно рас-строила отсрочка выдачи денег. Из всех присутству-ющих, похоже, она была единственным человеком, кому хватало тех средств, которые уже имела.

Романов кивнул: да, всё.

– А... а как же... – Виктор хотел спросить: «А как же мое наследство?», но, по-видимому, постеснялся. Спросил иначе: – А что это за анонимка?

– Да! – поддержал его Константин. – Что значит «сообщение об убийстве моей дочери Худобиной Ви-олетты?» Выходит, кто-то видел, как ее убили?

Плотина прорвалась. Наследники, перебивая друг друга, накинулись на исполнителя завещания с во-просами, касающимися причин, вынудивших дядю Толю изменить завещание.

– Кто такое мог написать? – ахнула бабушка. – Это очень даже странно.

Романов согласился: действительно, странно.

– А кто убил, там, значит, ничего не сказано?

– Нет.

– А за что?

– Скажите! – перебил бабушку Константин. – Только ли анонимка стала причиной изменения завещания, или был какой-то другой повод?

Романов ответил, что о других причинах ему ничего не известно.

– Так что все-таки написано в анонимке? – повысил голос Виктор.

Романов ответил, что поскольку анонимка осталась у Анатолия Николаевича, он может воспроизвести ее содержание только по памяти.

– А смысл ее такой... Аноним сообщил, что ему доподлинно известно о том, что Виолетта – дочь Анатолия Николаевича – была задушена одним из присутствующих на ее дне рождения гостей. И что он готов назвать имя убийцы, при условии выполнения Анатолием Николаевичем его требования...

– Какого? – спросил Константин.

Не успел я сказать, что требование может быть только одно – деньги взамен выдачи убийцы, как Виктор, опередив меня, выразил сомнение в том, что самому Константину ответ неизвестен.

– Известен, – согласился тот. – И я, если хочешь знать, спросил это только для того, чтобы Василий Сергеевич официально подтвердил или, наоборот, официально опроверг

мое предположение о том, что речь в завещании от шестнадцатого апреля идет об увеличении числа наследников за счет анонимщика...

– Или увеличения доли одних наследников за счет других, – вставил Максим Валерьянович.

– Да, кстати! А кто-нибудь, кроме нас, ближайших родственников, еще указан в завещаниях? – Виктор повернул лицо в сторону Романова. – Есть такие?

Романов подумал и сказал: есть. Почесав кончик носа, обвел взглядом присутствующих и после не-большой паузы, во время которой, казалось, решал: имеет ли он право обнародовать эту информацию, кивнул в мою сторону.

– Вас ведь, кажется, зовут Игорь? Игорь Евгеньевич Курочкин, если не ошибаюсь?

В этот момент я почувствовал, как у меня – Игоря Евгеньевича Курочкина – покраснели уши. Словно к ним приложили раскаленные камни и удерживали их до тех пор, пока кожа не запылала огнем.

– Вот это номер! – присвистнул Константин. – Игорек привез бабушку в деревню, называется.

– Анатолий оставил ему наследство? – Бабушка, как всегда, всё поняла последней, а когда поняла, решила всё разложить по полочкам. – А какое, можно узнать?

Пообещав сообщить об этом через три дня, Романов извинился за то, что не отправил мне личное приглашение, и в двух словах объяснил причины своего поступка. Первая –

он знал, что я и без его приглашения приеду сюда с бабушкой, а вторая... Вторая, по его словам, кроется в самом завещании.

Оставшись вполне довольной объяснением Романа, бабушка подошла ко мне. Поцеловала в лоб и спросила, отчего я такой грустный.

Ах, бабушка, бабушка! Она опять ничего не поняла. То, что дядя Толя упомянул меня в своем завещании – это пока только условный плюс – никто, кроме Романова, не знает, что в нем, но вот то, что братья Худобины подозревают меня в написании анонимки – минус безусловный. И всё потому, что злые они, не-хорошие. А самый нехороший из них – Константин.

Чуть выше среднего роста, полный, горбоносый, он привык смотреть на мир, как ворона, сидя на суку, смотрит на деревенский двор, выискивая, чем бы поживиться. Он нигде не учился, нигде не работал, по крайней мере, официально, однако при этом, сколько его помню, всегда был при делах и при деньгах. В нашей семье его открыто недолюбливали, но говорили о нем часто и охотно. Так, например, рассказывали, как однажды, в начале девяностых, через несколько дней после похорон попавших в автокатастрофу родителей, он нашел на улице пачку талонов на питание, как вместо школы пошел в магазин, выменял два талона крупы на талон сахара, талон сахара на два талона табака, два талона табака на талон водки, один талон водки

на четыре талона крупы, четыре талона крупы на два талона сахара, и в результате образовавшуюся в конце недели прибыль в виде ящика «Русской» не продал, не пропил, а подарил – безвозмездно! – взявшему его на воспитание дяде Толе. Удивительно умный мальчик. Дядя Толя, говорят, аж прослезился, увидев, с чем к нему пожаловал племянничек. Выпил стаканчик-другой из подаренного ящика и, расстроившись еще больше, ответил подарком на подарок – отправил его вместе с сыном отдыхать за границу. Туда Костя повез икру, а оттуда привез видеомагнитофон, в отличие, к слову, от Виктора, накупившего себе в первом же аэропорту кучу импортных шмоток. Видеомагнитофон Костя продал, а деньги отдал в рост. Тем и жил полгода. Через полгода его должница – женщина по фамилии Суслик, торговавшая одеждой на толкучке, отказалась возвращать деньги, мотивируя свое решение тем, что взятую сумму она и так вернула в виде процентов. На замечание Кости, что проценты – это проценты, а долг есть долг, и смешивать эти два понятия никак нельзя, Суслик ответила твердым отказом. А когда ей надоело отвечать, Костю побили. Несколько парней в спортивном трико подкараулили его после уроков, затащили в подъезд, ударили пару раз чем-то по голове и пригрозили, что если он, терпила, не перестанет докучать уважаемому человеку неуместными просьбами, его попросту убьют. Костя пообещал не докучать. А узнав от мальчишек во дворе, что один из взрослых парней с соседней улицы ограбил мужчи-

ну, оказав-шимся скандальным журналистом, разработал ответ-ный план. Напросился в гости к однокласснице, чей брат работал в милиции, познакомился с ним, и во время ни к чему не обязывающего разговора о наде-лавшем много шума ограблении газетчика, выразил готовность назвать имя гра-бителя, если, конечно, ему помогут выбить у должника день-ги. Через день пре-ступника арестовали, через два – вышла хвалебная статья в газете, где говорилось о перестройке, кос-нувшейся правоохранительных рядов, через три – брат од-ноклассницы получил от начальства благо-дарность, а через четыре – Суслик вернула Косте долг... Однако Худобин не был бы Худобиным, если бы на этом остановился. Через пять дней бабушка, ко-торой Костя со слезами на глазах назвал сумму, кото-рую переплатил за рубашку, в гневе написала в ОБ-ХСС письмо, где уведомила власти в том, что граж-данка Суслик, торгующая на толкучке импортной одеждой, не ис-ключено контрабандной, на глазах со-тен людей бессовестно обворовывает сирот. Прошло еще несколько дней, и граж-данка Суслик исчезла. Ку-да – неизвестно, но на толкучке с той поры ее уже ни-кто никогда не видел.

Историй, подобно этой, в нашей семье ходило про Кон-стантина множество. И в каждой из них он не мы-тьем, так катаньем добивался поставленных перед со-бой целей: будь то возврата долга или приватизации разорившегося с его же помощью какого-нибудь свечного заводика. Несмотря на то, что методы, каки-ми он пользовался, были не всегда закон-

ными и все-гда, с точки зрения нормального человека, грязными, дядя Толя и Виктор Худобины поддерживали Константина в его деятельности и всячески поощряли. Я же Константина не поддерживал, не поощрял, по-скольку всегда считал: порядочные люди так посту-пать не имеют права.

И именно поэтому у меня никогда не будет своего свечного заводика.

Так сказала моя бабушка.

Константин встал с кресла. С интересом посмотрел на меня, как ворона смотрит на захромавшую курицу – не ранено ли у его еще чего – задумчиво почесал нос и, повернувшись в сторону Виктора, выказал же-лание перекусить. Я поддержал его, заявив, что одним и даже двумя завещаниями сыт не будешь, тем более что самое сладкое завещание – второе, по всей види-мости, подадут к столу не раньше, чем посадят убий-цу Виолетты.

Спорить со мной никто не стал. Пообещав вер-нуться че-рез полчаса, бабушка с Анечкой встали со своих мест и от-правились на кухню.

Пока они разогревали приготовленную Михаилом еду, Максим Валерьянович Рыльский включил теле-визор. За-дернул шторы на окнах и, попросив до обеда не беспокоить, уселся перед экраном.

Худобины тем временем достали из бара бутылку французского коньяка, два пузатых бокала и, о чем-то тихо переговариваясь, ушли в кабинет дяди Толи. Я подождал несколько секунд – не позовут ли меня? – а когда понял: не позовут, подошел к Романову.

Разговор у нас не получился. Романов на все вопросы отвечал односложно, словно был огорчен тем же, что и я – не гостеприимством Худобиных, поминутно бросал взгляды то в сторону коридора, где в кабинете дяди Толи без нас пили коньяк, то на задремавшего перед телевизором Максима Валерьяновича.

– Скажите, – тихо спросил он. – Вы давно знаете Рыльского?

– А что?

– Он всегда так выглядел?

– Как так?

– Как вурдалак из фильмов ужасов.

Я ответил, что фильмы-ужасы принципиально не смотрю, предпочитаю кино Тинто Брасса. А что касается Рыльского, то добрее человека, чем он, говорят, просто не сыскать. Правда, для того, чтобы убедиться в этом, необходимо хотя бы раз пообщаться с ним тет-а-тет, желательно за полночь, но на это, насколько мне известно, до сих пор еще никто не решился.

– Так что у вас есть шанс быть первым.

Романов улыбнулся и ответил загадочной фразой, смысл

которой заключался в том, что внешность человека не всегда определяется характером, но почти всегда биохимические процессы, происходящие в организме, определяют его внешность.

Вот так. Пока я раздумывал над тем, какие такие процессы в организме душеприказчика заставляют его казаться умнее, чем он есть на самом деле, вернулись женщины.

Поставив поднос с едой на стол, бабушка велела звать племянников.

Племянники вышли из кабинета навеселе. Виктор, ни на кого не глядя, занял место во главе небольшого стола, расположенного в углу зала, рядом с камином, Константин – веселый и шумный от выпитого коньяка, рядом с Романовым.

– Не желаете ли, Василий Сергеевич, французского грамм пятьдесят? – предложил он.

Не дожидаясь, когда у Романова желание выпить французского переборет желание прослыть трезвенником, наполнил его рюмку из новой бутылки и вопросительно посмотрел на Рыльского – не налить ли ему тоже.

Рыльский отказался.

– Ах, да! – вспомнил Константин. – Вы же, кажется, совсем не пьете... Жаль!

Он произнес это таким тоном, каким обычно обращаются к человеку, когда хотят выказать презрение его дурным привычкам.

Максим Валерьянович положил вилку на стол. Поднял

глаза, и сказал, что много лет бокалу красного вина предпочитает хороший кусок бифштекса с кровью. После чего посмотрел на Константина так, как будто хотел высмотреть у него наиболее уязвимое место, и добавил, что даже здоровому человеку пить следует в меру.

Судя по тому, куда был направлен взгляд, самое уязвимое место у Константина находилось между адамовым яблоком и подбородком.

Константин жалобно улыбнулся. Ослабил узел галстука, словно тот мешал ему дышать полной грудью, и натужно рассмеялся.

– И это правильно! – сказал он. – Лучше переест, чем перепить.

Максим Валерьянович согласно кивнул. Опустил глаза и, как ни в чем не бывало, продолжил трапезу.

Не знаю: то ли фраза про бифштекс с кровью прозвучала в устах Рыльского чересчур зловеще, то ли натуженный смех Константина был тому виной, но первые пять минут обеда прошли в тягостном молчании. Константин с Романовым налегали на коньяк, я с Анечкой – на овощные салаты, и только бабушка, положив ладони на колени, ничего не ела, не пила.

– А ты чего, тетя Катя, не кушаешь? – спросил Виктор. – Не нравится?

– Не обращайтесь на меня внимания, – ответила бабушка. – Я потом на кухне поем.

– Не понял! Почему это на кухне?

– Потому, что у бабушки прогрессирующий поли-артрит! – ответил я.

И добавил: надо быть Худобинными, чтобы не замечать того, что всем давно видно. А именно, что их родной тетке с каждым днем все трудней держать в руках столовые приборы.

Бабушка виновато посмотрела на Виктора. Сказала, что ей неприятно, когда люди наблюдают за ее мучениями.

– А вот тебе, Игорь, пора бы перестать бросаться на людей! Хватит уже!

Она поправила загнутый край скатерти, так, чтобы при этом никто не увидел ее скрюченных пальцев, и, благодарно улыбнувшись Виктору, попросила не беспокоиться за нее.

А тот и не думал ни за кого беспокоиться. Пообещав нанять лучшего в городе ортопеда, он с видом спонсора, только что оплатившего счета бабушкиным докторам, развалился на стуле и принялся снисходительно взирать на то, как Константин пытался заставить Романова раскрыть содержимое завещаний.

Получив очередной отказ, Константин взял бутылку коньяка и высоко поднял над столом.

– Не желаете говорить – не говорите, ваше право, – сказал он, – но выпить-то, Василий Сергеевич, вы со мной можете?

Василий Сергеевич сказал: могу.

И выпил.

– А со мной? – включился в начатую Константином игру

Виктор.

– И с вами могу! Хотя вы мне и нагрубили!

– Забудем обиды! Давайте чокнемся!

После того, как Романов выпил с Виктором и уже собрался пить с Константином на брудершафт, ба-бушка потребовала у племянников немедленно прекратить пьянку. Заметив Виктору, что они не свадьбе, где полагается пить самим и спаивать других, строго спросила Константина: по какому поводу тот развеселился.

– Да так, – хитро засмеялся Константин. – Удачный день.

– Опять чего-нибудь прикупил?

– Нет, только собираюсь.

– И что на этот раз?

Константин замялся. Бросив застенчивый взгляд на бабушку, сказал что-то невнятное про вишневый сад.

– Сверх долга надавал девяносто, осталось за мной...

– Вишневый сад? – удивилась бабушка. – Зачем тебе сад?

А он большой? Сколько соток?

Константин сказал, что официально сможет сообщить об этом только завтра, когда истечет срок договора с его нынешним владельцем. Затем, решив сменить тему разговора, встал. Потянулся, обвел взглядом комнату и с сожалением заметил, что дом, несмотря на всё своё великолепие, требует капитально-го ремонта.

– Обои надо бы переклеить, – принялся перечислять он, – светильники поменять, полы кое-где пере-стелить... Ламинат – это, господа, согласитесь, пошло!

Попросив у Анечки носовой платок, Виктор встал из-за стола. Извинился перед бабушкой и, не понимая глаз, торопливо вышел в коридор, где рядом с кабинетом дяди Толи находился туалет.

Проводив племянника обеспокоенным взглядом, бабушка спросила: что с ним.

– Икрой отравился, – коротко ответила Анечка.

Горестно покачав головой, бабушка перевела укоризненный взгляд на Константина, словно это он был виноват в том, что у ее любимчика возникли проблемы с желудком, и спросила: все ли наелись.

Наелись все.

Поблагодарив бабушку за вкусный обед, Максим Валерьевич вышел из-за стола. С довольным видом похлопал себя по животу и сказал, что теперь, пожалуй, не грех посмотреть по телевизору последние новости.

– Какие новости! – засмеялся Константин. – Вы же через пять минут уснете!

– Кто уснет? Я?

– Ну конечно!

– Что за чушь! – обиделся Рыльский. – Я днем никогда не сплю.

– Да как это не спишь! – вступила в разговор бабушка. –

Иной день по десять раз за передачу засыпа-ешь... Костя правильно говорит.

Максим Валерьянович покосился на нее, однако, судя по недовольному виду, остался при своем мне-нии. Молча перебрался поближе к телевизору. Сел в кресло и, после того, как женщины ушли на кухню мыть посуду, попросил меня включить четвертый ка-нал.

Через минуту в зале появился Виктор. Вытирая платочком мокрые руки, прошел мимо стола, за кото-рым Константин с поверенным, пользуясь отсутстви-ем бабушки, пи-ли коньяк, и сел рядом с Рыльским. На приглашение Константина присоединится, полечить понос алкоголем, отве-тил, что лечиться он будет тем, чем считает нужным, и тогда, когда решит сам.

– Ну и зря! – захохотал Константин. – А впрочем, каждый волен поступать так, как хочет. Вот мы с Ва-силием Сергеевичем захотели продезинфицироваться «Мартелем», чтобы не заразиться от тебя диареей – значит, продезинфицируем-ся. Захотели потолковать о завещаниях – обязательно потолкуем!.. Правильно я говорю?

Романов, к кому была обращена последняя репли-ка, судя по той резвости, с какой опорожнял рюмки, с необходимостью дезинфекции «Мартелем» был со-гласен. А вот против всего остального по-прежнему возражал, чем, как мне пока-залось, только раззадорил Константина.

Услышав бабушкин голос, Константин одной ру-кой схва-

тил Романова за локоть, другой – за горлыш-ко бутылки и потащил всё это в кабинет дяди Толи. Так что когда бабушка вошла в зал, ни Романова, ни коньяка, ни ее племянника там уже не было.

Вздыхнув: «Ну что с ним, негодником, делать!», бабушка уселась перед телевизором и попросила Анечку прибавить звук.

На НТВ начались трехчасовые новости. Вместе с бабушкой, Рыльским, Виктором и Анечкой я сидел перед телевизором, смотрел, как на экране одна ката-строфа сменяет другую, как за сюжетом о пожаре следует сюжет о землетрясении, и думал о послании дяди Толи. Необычное оно, как начало июня, странное. Нет в нем ничего, что предсказывалось заранее, и есть то, что предсказать было практически невозможно. Но больше всего меня удивила манера обращения к автору анонимного послания. Дядя Толя предложил ему назвать имя убийцы дочери так, словно нисколько не сомневался в том, что тот в течение трех дней успеет не только ознакомиться с его предложением, но и выполнить выдвинутые условия. Сразу напрашивался риторический вопрос: означает ли это, что тот, к кому обращался дядя Толя, находился среди нас? И если он находился среди нас, то я вряд ли ошибусь, если предположу, что главное событие, ради которого собрал нас дядя Толя, еще впереди. Аноним знает: кто убийца и в любой момент готов назвать его имя. Убийца не

знает, кто аноним, но предупрежден о гро-зящей ему опасности. А как однажды сказала бабуш-ка, кто предупрежден, тот вооружен.

Не прошло и десяти минут с начала передачи, как мне надоело гадать о том, кто убийца. За исключени-ем бабушки и Анечки, каждый из нас, если вдуматься, мог оказаться им.

Кстати, об Анечке. Я давно заметил: стоит мне мысленно произнести ее имя, на секунду представить ее лицо, как я тут же начинал слышать аромат ее ду-хов, ощущать исходящее от нее тепло и жалеть о том, что не настолько богат, чтобы жениться на ней. Она была очаровательна! Скорее полнень-кая, чем худень-кая, невысокая, одетая в ослепительно бе-лую майку, подчеркивающую аппетитные формы, и корот-кие, ту-го обтягивающие бедра джинсы, она, казалось мне, была создана исключительно для того, чтобы лелеять и хо-лить, одевать и...

Анечка шумно поднялась с кресла. Выгнула спину и, ожи-дая, когда муж обратит на нее внимание, во-просительно по-смотрела на него.

Виктор покосился в сторону коридора, где нахо-дился туалет, и отрицательно покачал головой.

– Ну как знаешь. А я пойду наверх, полежу, – Анечка слад-ко потянулась, оголив полоску кожи между майкой и выгля-нувшим из-за пояса краешком белых трусиков и, не спеша, направилась к лестнице.

По телевизору показывали очередное наводнение в Сиби-

ри. Какая-то река разрушила дамбу, после чего вышла из берегов и затопила маленький городок, что, по мнению московского корреспондента, говорило то ли о халатности местных властей, то ли о беспомощности правительства России, то ли обо всем сразу.

После ухода Анечки, стало совсем скучно.казалось, будто кресло, в котором она только что сидела, заняла старуха-хандра. Огляделась по сторонам – кто тут самый грустный? – и, распустив длинные космы, навалилась на меня тяжелой грудью, подобно тому, как река на экране телевизора навалилась на ставший в одночасье беззащитным небольшой сибирский городок.

В общем, делать здесь мне стало решительно нечего. Я поднялся с кресла и, стараясь не потревожить задремавшего Максима Валерьяновича, направился к лестнице.

Когда я услышал доносящиеся снизу крики, стрелки на часах показывали без пяти минут пять. Я спустился в зал, и первым, кого увидел, был Рыльский. Беззвучно шевеля губами, он с растерянным видом стоял возле лестницы и смотрел на громко рыдающую Анечку.

Я спросил: что случилось.

Кивнув в сторону коридора, где находился кабинет дяди Толи, Рыльский предложил сходить посмотреть самому.

Я решил воспользоваться его советом. Несмотря на бабушкино требование оставаться при ней, прошел в коридор и открыл дверь кабинета...

Не скажу, что увиденное потрясло меня, скорее удивило. И расстроило.

На одном конце письменного стола, уронив голову на руку, рядом с которой лежал окровавленный нож, сладко сопел Романов, на другом – в неподвижной позе сидел Константин Худобин. Голова Константина была откинута назад, на спинку кресла, горло и грудь – залиты кровью.

Пока я осматривал кабинет, силясь понять, что тут произошло, подошла бабушка. Коснулась моего плеча рукой и тихо спросила: как я.

Я ответил: нормально.

– Правда, нормально? Не обманываешь?

– Правда. Со мной всё хорошо.

Со мной и вправду всё было настолько хорошо, что сам себе я стал противен.

«Ведь это же человек!» – воззвал я к своей жалости.

Жалость спала.

«Родственник!»

«Дальний родственник, – сквозь сон поправила она. – Почти что дикий предок... Наплюй, не жалея».

А я и не жалел. Мне вспомнился другой такой случай... Как-то под моими окнами, на крыше стоящей рядом пятиэтажки, ворона убивала голубя. Голубь вертелся перед ней на

одном крыле, а она то искоса поглядывала на него, то подобно повару, вилкой пробующего отбивную на сковороде, тыкала в голубиный клубок клювом, отчего тот начинал вертеться быстрее, отходила и, как ни в чем не бывало, чистила перышки. Секунд через двадцать еще раз оглядывала голубя, еще раз делала шаг навстречу, еще раз била клювом в облюбованное место... Так продолжалось несколько минут. Не выдержав этого издевательства, я отошел от окна. Стараясь выкинуть эту картину из памяти, задернул занавеску и стал думать о чем-то другом, приятном. Но не тут-то было! Ворона в образе повара, пробующего вилкой отбивную, беря душу, стояла перед глазами весь день, всю неделю, весь месяц...

Мне стало стыдно. За все сразу. За то, что я не такой, как все. За то, что голубя жалел как близкого человека, а человека, пусть даже совсем не близкого, жалел примерно, как ту бабочку, что сегодня утром разбилась о лобовое стекло моей "копейки".

Я отвернулся, чтобы покойник, чего доброго, не увидел моего лица: черствого, как мне самому казалось, равнодушного и жестокого. Сложил руки на груди, а потом, немного подумав, пришел к выводу, что во всем виновата текущая во мне худобинская кровь. А раз так, подумал я, значит, тысячу раз права была бабушка, когда однажды, за что-то обидевшись на меня, сказала в сердцах:

«Твоя настоящая фамилия, Игорь, – Худобин-на-Чет-

верть!»

Романов проснулся, а точнее, его разбудили, когда приехала милиция. Прокурор района – важный мужчина с маленькими усами и густой шевелюрой, в середине которой просвечивала небольшая круглая лысина, оглядел место преступления и молча вышел из кабинета. Не обращая внимания на притихших при его появлении людей, в сопровождении Виктора и следователя – симпатичной девушки лет двадцати пяти – не спеша, поднялся по лестнице на третий этаж и принялся с интересом осматривать дом. Увидев какую-нибудь дорогую безделушку, вроде отделанного малахитом камина, останавливался, восхищенно качал головой и громко цокал языком.

Из всей следственно-оперативной группы, как мне показалось, непосредственно делом занимались несколько человек: милиционеры во главе с оперуполномоченным уголовного розыска капитаном Коноваловым Борисом Сергеевичем – здоровым мужиком лет сорока, судмедэксперт, к которому при мне никто ни разу не обратился по имени, и эксперт-криминалист Семеныч – пожилой мужчина со строгим и серьезным лицом.

Пока Семеныч снимал отпечатки пальцев, а судмедэксперт обследовал рану на горле убитого, Коновалов приводил

в чувство Романова.

– Говори! – кричал на него. – Ты убил Худобина?

Романов ошалелыми глазами смотрел то на Кон-стантина, то на оперативника, и отвечал, что не понимает, о чем идет речь.

– Это ты убил! Напился до потери сознания, потом разругался со своим собутыльником и, в состоянии аффекта, прирезал его. Пиши чистосердечное признание. Суд учтет.

Романов взял протянутый чистый лист бумаги, ручку и, после длительного раздумья, спросил: что писать.

– Пиши, как всё было!

– Как всё было?

– А я тебе расскажу! – с готовностью ответил Конавалов. – Ты, главное, пиши, родной, пиши!

Романов подвинул листок к себе поближе. Задумчиво потрогал ногтем кончик стержня и, пытаясь отыскать в памяти подтверждения продиктованным словам, вывел на бумаге:

«Я, Романов Василий Сергеевич, выпил с Худобиным Константином Петровичем две бутылки французского коньяка марки «Мартель». Мы поссорились. Я взял нож и ударил его в горло».

– Так где ты, говоришь, взял нож? – спросил Конавалов.

Романов медленно поднял голову.

– Не знаю... А вы уверены, что я его брал?

По тому, как был задан вопрос: равнодушно, без малейшей надежды на благоприятный ответ, стало ясно, что Рома-

нов не помнит, как убивал Константи-на.

– Еще как уверен!

Не успел Коновалов объяснить, чем вызвана эта уверенность, как в кабинет, громко стуча высокими каблуками, вошла следователь. Всем своим видом по-казывая, что у нее нет времени, она спросила, кивнув в сторону Романова:

– Как дела?

– Колемся потихоньку, – ответил капитан. – Сви-детелей опросили. Допишем покаянную и будем за-кругляться.

– А у вас? – следователь повернулась лицом к судмедэксперту.

Судмедэксперт отошел от тела убитого. Вынув из кармана платочек, сказал, что, по всей видимости, смерть наступила где-то около четырех часов дня от удара ножом в горло.

– Судя по характеру раны, удар был нанесен спе-реди пра-вой рукой сверху вниз.

– Что с отпечатками?

Аккуратно, двумя пальцами положив нож на стол, Семен-ныч выпрямился. Сказал, что отпечатков много, но на бу-тылках с коньяком и бокалах, из которых его пили, их нет.

– То есть как это нет? – удивился Коновалов.

– Вот так. Чисто.

– А на ноже?

– На рукоятке какие-то пальчики есть. Сейчас сниму.

Следователь пожала плечами, мол, разбирайтесь тут сами без меня, попрощалась и, посоветовав капи-тану не затяги-

вать дело, вышла из кабинета.

Коновалов задумчиво посмотрел ей вслед, после чего спросил Романова: закончил ли он писать. Не получив вразумительного ответа, взял со стола листок, пробежал его глазами и велел расписаться.

Протяжно вздохнув, Романов медленно вывел свою фамилию. Поставил дату и приписал: «P.S. Я очень сожалею о случившемся».

– Ну вот! – довольно хмыкнул Коновалов. – Все бы так.

Действительно, подумал я, если бы все убийцы сами признавались в совершенных ими преступлениях, сами выносили себе суровые приговоры и сами честно отсиживали положенные сроки в построенных ими самими же тюрьмах, было бы замечательно. Другой вопрос, чем бы тогда занимался Коновалов.

Я посмотрел на него и решил, что он, вероятнее всего, стал бы преступником. Его внешность: скуластое лицо, колючие глаза, развязность, вызванная уверенностью в собственной силе и силе тех, кто стоит за ним, готовность скрутить в бараний рог любого, кто встанет на пути, в моем понимании одинаково подходили как под обобщенный портрет бандита, так и рядового опера, борющегося с этими самыми бандитами.

«Интересно, что заставило мальчика Борю Коновалова, стоявшего перед выбором «с кого делать жизнь свою», выбрать ту, а не другую стезю?.. Случай? Судьба?»

Не успел я над этим подумать, как Романов тихо, словно стесняясь своего голоса, спросил: действительно ли он держал нож в руках или в этом, как он выразился, «есть некая доля преувеличения».

Бедный Романов! Его вопрос был настолько пустым и глупым, а желание выиграть время настолько бесхитростным и наивным, что всем собравшимся в кабинете стало даже как-то неловко за него.

– Какое преувеличение! – усмехнулся Коновалов. – О чем ты? Пять свидетелей готовы подтвердить, если хочешь.

Романов часто заморгал, видимо, пытаясь вспомнить, как он с ножом в руках встречал милицию.

– У меня просто в голове не укладывается, – про-бормотал он. – Как я мог?

Коновалов пожал плечами, дескать, с пьяными не такое случается, и бросил взгляд на часы. Судя по проявленному им терпению, время для разговоров у него еще не вышло.

– Ну, хорошо.

Повернувшись в мою сторону, он сказал, чтобы я перестал подслушивать, а подошел и показал то, как Романов лежал на столе.

Я вошел в кабинет. Попросив поверенного освободить место, сел на его место. Левую руку положил на стол, голову – на руку, правую руку опустил между широко расставленными ногами.

– Вот так, – сказал я. – А ножик лежал на столе в пяти

сантиметрах от ладони.

Поблагодарив за помощь, Коновалов забрал со стола листок с признанием. Спросил, есть ли еще во-просы. Вопросов не было. Тогда он похлопал Рома-нова по спине и предложил собирать вещички.

Романов стал прощаться. Попросив у меня прощени-е за то, что стал невольным виновником несчастья, случившимся с моим дядей, он еще раз протяжно вздохнул и, опустив плечи, поплелся к двери. На ходу обернулся и, еще раз по-смотрев на то, как я сижу, внезапно остановился.

– Что-то не так? – спросил я.

Романов вернулся к столу. Подумал три секунды и, ткнув пальцем в мою ладонь, сказал, что поскольку убийство было совершено правой рукой, а нож, как видно из моей позы, ле-жал рядом с левой, убийцей был кто-то другой.

– Кто другой? – возмутился Коновалов. – Пуш-кин? Ты мне тут дурачка из себя не строй! Понял! Это ты убил Худо-бина! Ударил правой рукой, потом пе-реложил нож в левую, и всё! В чем проблема?

А проблема, как оказалось, заключалась в следую-щем. По словам эксперта-криминалиста Семёныча, на рукоятке ножа не было ни одного отпечатка правой руки, что в моем понимании могло означать только одно: либо Константина убили другим ножом, либо Романов не был убийцей. Что ка-сается ножа, то тут сомнений не возникло даже у милицио-неров: кровь на лезвии безошибочно указывала на то, каким

орудием было совершено преступление. А вот что касается Романова... Конечно, можно предположить, что, выпив бутылку коньяка, он хладнокровно зарезал человека правой рукой, потом аккуратно вытер нож, взял рукоятку в левую руку и тут же уснул. Но куда вероятней, на мой взгляд, выглядит другая версия. Кто-то вошел в кабинет дяди Толи, убил Константина, стер свои отпечатки пальцев правой руки с рукоятки ножа и вложил его в ладонь спящего Романова, не подумав, или второпях не заметив, что ладонь левая.

Судя по тому, с какой злостью Коновалов посмотрел на Семеныча, мои предположения оказались верными.

– Поверьте! Я и вправду не убивал, – почувствовав перелом в настроении оперативника, воскликнул Романов. – Ведь я даже не присутствовал на дне рождения Виолетты!

– Какой еще Виолетты? – повернулся к нему капитан.

– Виолетты Анатольевны, покойной дочери хозяина дома Анатолия Николаевича Худобина! Ее тоже убили.

Заговорив о семье Худобиных, Романов рассказал об анонимке, полученной дядей Толей за несколько дней до своей смерти, но, к сожалению, теперь уже утерянной, и о его посмертном послании наследникам. Выразив уверенность в том, что убийство Константина напрямую связано с событиями, произошедшими здесь, в Мыскино, четырнадцатого февраля в день тридцатилетия Виолетты, он заключил, что, во-первых, Виолетту убил кто-то из ее родственников, бывших на дне рождения, во-вторых, анонимку написал тоже

кто-то из родственников и, в-третьих, после оглашения завещания сложилась такая ситуация, что у убийцы Виолетты не осталось другого выхода, как найти анонима раньше, чем тот выдаст его.

– То есть, ты хочешь сказать, что анонимку напи-сал Константин Худобин? – перебил душеприказчика Коновалов.

Романов сказал, что говорить об этом преждевре-менно – нужны доказательства.

– Понятно. А кто именно присутствовал на дне рождения? Вопрос, как я понял, был обращен ко мне.

– Кроме Виолетты и дяди Толи, – принялся пере-числять я, – там были: Виктор – сын дяди Толи, Анеч-ка – жена Викто-ра, Константин – двоюродный брат Вик-тора, Максим Вале-рьянович Рыльский – шурин дяди Толи, и моя бабушка Ека-терина Николаевна Куроч-кина – родная сестра дяди Толи.

О себе я решил не упоминать: и так понятно, что без моего участия там не обошлось.

– То есть, те же, кто сегодня утром присутствовал при про-чтении обращения Анатолия Николаевича к наследникам, – торопливо добавил Романов. – Вклю-чая работника Михаи-ла.

Коновалов согласно кивнул. Попросив подтвер-дить, что все перечисленные мной люди являются родственниками, повернулся лицом к Романову и спросил: кем он приходится убитому.

– Никем, – ответил Романов. – Я не родственник. Я испол-

нитель завещания Худобина-старшего – мое-го старого знакомого. По его просьбе я пришел, что-бы зачитать наследникам последнюю волю и проследить за ее выполнением.

– Ты нотариус?

– Нет. Душеприказчик, или, другими словами, личный поверенный в делах о наследстве.

– У тебя и документ соответствующий имеется?

– Конечно! – Вынув из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо лист, Романов протянул оперативнику. – Нотариально заверенное заявление Анатолия Николаевича с указанием моих полномочий.

Молча прочитав заявление, Коновалов, вернул его обратно. Подошел к окну и задумчиво посмотрел на одинокую елку, растущую посреди чистого газона.

– Я хочу ознакомиться с содержанием завещаний, – сказал он.

Романов развел руками, дескать, и рад бы помочь родной милиции, да не могу. Потом добавил: согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, он не вправе разглашать сведения, касающиеся содержания завещаний.

– Не понял! – Медленно, словно не веря собственным ушам, Коновалов обернулся. – Ты мне что, отказываешь?

Поверенный виновато вздохнул и еще раз огорченно развел руками: увы.

– Ну и ну! – оперативник удивленно покачал головой. – Ты, я смотрю, считаешь себя очень умным, да?

Романов молчал.-

– Законы цитируешь, права качаешь. Может, ты еще и адвоката себе потребуешь?

– Зачем адвоката? – почувствовав неладное, еле слышно произнес поверенный. – Не надо мне никакого-го адвоката.

– Молчать! – Коновалов что есть силы ударил кулаком по подоконнику.

Все, кто находились в кабинете, вздрогнули.

– Говорить будешь, когда прикажу!

Плотно сжав губы и сузив зрачки, Коновалов зло посмотрел на поверенного, не последуют ли возражения, и, как змея перед броском, громко зашипел:

– Ты что, и вправду думаешь, будто самый умный? Да? А ты знаешь, что не далее как сегодня утром, один такой, вроде тебя, битый час ползал у меня в ногах, умолял считать себя придурком. Прощения просил за то, что нечаянно таблицу умножения вспомнил... Чего молчишь? Думаешь: шучу?

Не знаю, как остальные, а я капитану поверил сразу. И Романов поверил сразу. Поэтому, как только представилась возможность выполнить требование капитана, он выскочил из кабинета и через секунду принес портфель. Протянул Коновалову конверты с завещаниями и предложил ознакомиться с ними лично. Коновалов взял их, подержал на весу с таким видом, будто не решил, что делать дальше: то ли швырнуть бумаги в ненавистную рожу того, кто считает себя самым умным, то ли смилостивиться и прочесть. Решив сми-

достигаться, он подошел к окну, отвернулся и вскрыл первое завещание.

В эту минуту в кабинет вошли два санитары. Спросив разрешения забрать труп, погрузили его на носилки и вынесли.

Семеныч захлопнул кейс. Зевнул и коротко, в двух словах, доложил капитану об окончании работы.

Не отрывая от листков взгляда, Коновалов махнул рукой, чтобы не мешали. Дочитав до конца, поднял голову и спросил Романова: когда состоится оглашение завещания.

– Если аноним не объявит себя, через три дня в понедельник, – ответил тот.

Коновалов отошел от окна и, немного подумав, сказал, что останется в Мыскино.

– А вы, – обращаясь к Семенычу, добавил он, – через три дня в понедельник пришлите за мной машину.

– Как знаешь.

Семеныч, а за ним и судмедэксперт пожали капитану ладонь и, пожелав удачи, вышли из кабинета.

С отъездом следственно-оперативной группы в доме стало тихо. Так, словно находящиеся в нем люди только сейчас осознали, какое несчастье случилось в их семье. Ходили на цыпочках, разговаривали между собой короткими фразами, ругались полупшепотом. И если кто-то случайно загля-

дывал собеседнику в лицо, то видел, к своему стыду и стыду тех, с кем собеседовал, не жалость к внезапно умершему родственнику, а растерянность вперемешку со страхом. Даже Анечка, необыкновенно трогательная в своей скорби, плакала, на мой взгляд, исключительно по причине того, что ей, еще не хоронившей родных и близких, впервые в жизни пришлось столкнуться со смертью. И не брата мужа жалела она – себя.

«Все мы Худобины, – вздохнул я. – И Анечка, к сожалению, уже тоже».

Капитан Борис Сергеевич Коновалов – оперуполномоченный уголовного розыска – в сопровождении Романова вышел из коридора. Прошел на середину зала и, подняв указательный палец, попросил минутку внимания.

– В общем, так, – сказал он. – Как вы знаете, Константин Петрович Худобин, ваш родственник, погиб от рук убийцы. Кто этот убийца, нам пока неизвестно...

– Как это, неизвестно? – перебил его вальяжно развалившийся в кресле Виктор. – А Романов?

– Так, кто это сказал? – Плотнo сжав губы и сузив зрачки, Коновалов резко повернулся в его сторону. – Как фамилия?

– Худобин.

– Имя?

– Виктор Анатольевич.

– Где вы были в период с трех до пяти часов дня?

– Я...

– Отвечать быстро! Я спросил: где?

Виктор пожал плечами.

– Здесь был, – произнес он неуверенным голосом. – Сначала до трех часов мы обедали, потом смотрели телевизор. А в кабинет я вообще не входил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.